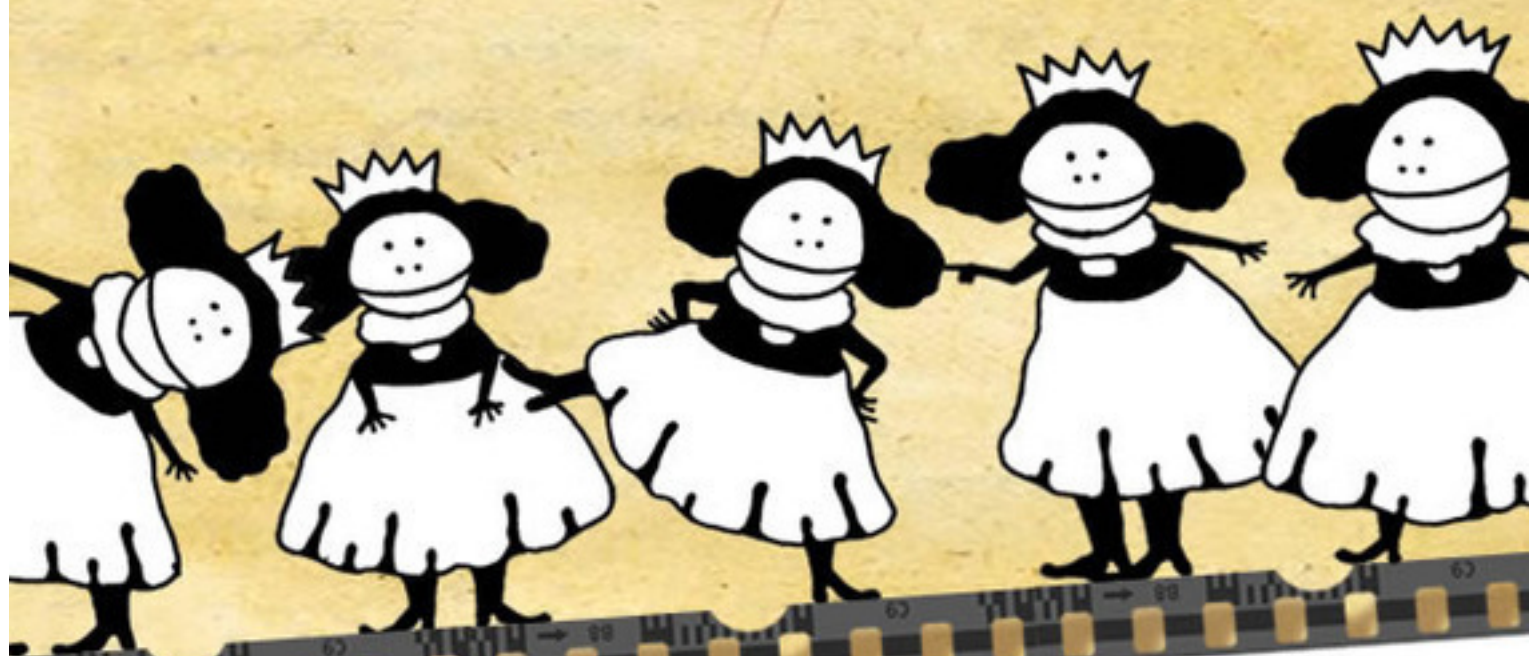

ОЛЬГА ЛУКАС

ЗОЛУШКИ НА ГРАНИ

БЕЗ КУПЮР

Ольга Лукас

Золушки на грани

«Автор»

2012

Лукас О.

Золушки на грани / О. Лукас — «Автор», 2012

Герои этой книги – сказочные персонажи, существа и вещества, шагнувшие из одного мира в другой – быть может, менее сказочный, зато более абсурдный. И очень похожий на наш. Золушка сражается с дедлайном. Гадкий Утёнок рассказывает добропорядочным лебедям сказки из своей порочной городской жизни. Орфей заключает выгодный контракт с адским импресарио. Бездельница-Золушка треплет нервы своей добродушной мачехе. Снегурочка поселяется летом в обычном коттеджном посёлке. Прометей похищает кое-что у людей и приносит на Олимп. Познания в области маркетинга позволяют королю выдать замуж некондиционную принцессу. Злое Зло покушается на средневековый домик, находящийся под охраной ЮНЕСКО. С двенадцатым ударом часов принц превращается в пьяного придурка. Мастер по волшебным палочкам переключается на изготовление волшебных зубочисток. Фея-крёстная улетает в Тибет.

© Лукас О., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Дедлайн	5
У самого синего моря	7
Старые друзья	9
Зелья отца Лоренцо	10
Несмеяна	12
Сказки Гадкого Утёнка	14
Помни про Эвридику	16
Маленький принц и большие амбиции	17
Фея наносит ответный удар	19
Из разного теста	23
Король и народовольцы	25
Всё из-за причёски	27
Ошибка бременского музыканта	28
Стрекоза и Муравей	29
Фея чистоты	30
Родительское благословение	32
Патриархат	33
Глазами мачехи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Лукас

Золушки на грани. Без купюр

*Все сходства с реальными сказочными персонажами неслучайны.
Если вы узнали себя в одном из героев этой книги – поздравляем. Вы – сказочный персонаж.*

Дедлайн

Вот уже вторую неделю Золушка сидит за печкой и ковыряет в носу. Ей совершенно нечего делать. Злая мачеха и сестры режутся в карты на веранде и не зовут ее к себе, отец уехал в город на ярмарку, фея-крестная приходит на помощь только в безвыходных ситуациях, а сейчас у Золушки есть сразу несколько выходов: пойти на крыльцо и там ковырять в носу, перестать ковырять в носу и походить по саду, разбросать по кухне мусор, а потом его подмести. Золушка выбирает сад и гуляет там до самого вечера. Было бы не так скучно, если бы в саду росло хоть что-то, кроме репейника и крапивы, но относительно оформления сада мачеха указаний не давала.

Неожиданно всё приходит в движение. Отец приехал из города с важным известием: скоро во дворце будет бал! Сонное царство встрепенулось, мачеха и сестры кинулись умыться, прихорашиваться, наряжаться и придумали для Золушки тысячу милых поручений, которые она с радостью исполняет: ведь это только в старой сказке ее эксплуатировали бесплатно, современная же Золушка получает за свой труд деньги, и весьма неплохие.

Выполнив все поручения, она информирует мачеху о том, что тоже не прочь съездить на бал, а то скучно уже бродить по саду или ковырять в носу, сидя за печкой.

– Золушка... Так-так, – роется в ежедневнике мачеха, – Сейчас-сейчас.

У сестер нет ежедневников, потому что они еще молоды и надеются на свою память. А отец Золушки моет машину в гараже – как-то неприлично приезжать на бал на грязном кадиллаке, не Дикий все же Запад, а приличное королевство!

– О, Золушка! – вдруг оживляется мачеха, – Ну да, конечно. Ты сможешь поехать на бал. Ты непременно сможешь, моя девочка. Только завтра же у нас конец месяца. А до конца месяца – вот тут у меня все записано – ты должна перебрать два амбара зерна, заплатить за квартиру, за газ, за воду, а также за свет, посадить триста розовых кустов, переустановить Windows, вырастить три дюжины огурчиков и замариновать их, как я люблю, ну а потом, конечно, можно и на бал.

– И перешей мою синюю юбку, чтобы она на меня налезла! – пищит средняя сестра.

– А мне погладь брюки, да смотри, хорошенько! – басит старшая.

При помощи феи-крестной Золушка, конечно, поднимает весь этот объем работ, но на бал ей уже не хочется, тем более, что из банки растворимого кофе получился довольно уродливый запорожец, а не прекрасный белый лимузин, как в прошлый раз, из тюбика зубной пасты.

Через день после того, как все семейство вернулось из города, Золушка просит мачеху очертить фронт работ на месяц, но мачеха еще не отошла после поездки во дворец:

– Да отстань ты, до конца месяца еще целый месяц, успеется!

... вот уже вторую неделю Золушка гуляет по саду. Можно, конечно, за печкой ковырять в носу. Можно сидеть на крыльце. Можно отсчитывать дни и часы, оставшиеся до следующего бала, когда мачеха вновь очнется и вспомнит обо всем, что Золушке надлежит сделать до конца месяца...

У Золушки в каморке припрятана жестянка из-под дорогих сигар. Интересно, из нее получится вертолет, чтобы улететь отсюда хоть куда-нибудь? На Дикий Запад, например.

У самого синего моря

Возвратился старик ко старухе (ну, после того, как она захотела стать владычицей морской, а рыбка ничего не ответила, хвостом по воде плеснула и ушла себе в синее море). Видит – перед ним его старая землянка, на пороге старой землянки сидит его старая старуха, перед ней разбитое (и старое) корыто, жизнь, кажется, не задалась под самый занавес – и тут вдруг – бац – глядит старик на старуху и понимает, что у неё зрачки вовсе не человеческие, а какие-то кошачьи, продольные такие. Старик запаниковал, побрёл обратно к синему морю, стал кликать золотую рыбку. Рыбка не вернулась, зато из моря, не очень далеко от берега, вынырнула странная посудина из желтого металла, наподобие огромного яйца, только с оконцами круглыми. А из этого яйца – труба торчит самоварная, словом, пора драпать, пока не началось.

Старик повернулся спиной к синему морю, и побежал, быстро-быстро перебирая ногами, а вслед ему с диковинной лодки кричали по-ненашему: «Run, Forrest, run!» Старик добежал до противоположного побережья, развернулся и побежал обратно. Прибегает к своей старой землянке, видит разбитое корыто, на пороге сидит старуха – но не его, а какая-то посторонняя совсем. Старик в ужасе рот рукой прикрыл, потом за лицо себя пощупал – и ахнул! Пока он бегал – у него борода до пола выросла, и сам он на 100 лет состарился, а эта, новая старуха ему вовсе даже внучкой приходится (что странно – детей-то у них с его собственной старухой не было). Старик струхнул, побежал снова к морю – правильному, тому, в котором золотая рыбка жила – добежал до берега, потрогал себя за лицо – а никакой бороды-то у него и нет вовсе, и вообще он стал молодым красавцем. Да и в море поверх текучих вод лебедь белая плывёт. «Тьфу ты, опять перестарался!» – сплюнул старик и медленно, степенно, как старикам и положено, пошел обратно к своей землянке.

– Ну, наконец-то ты вернулся! – воскликнула старуха. Вроде по виду – своя, родная, но старик всё же наострил уши: а где привычное «Дурачина ты, простофиля!»

– Я уже все сети расплела. Днём сплету – ночью расплету. Женихи неладное заподозрили, хотели дозорного оставить, но тут ты как раз и вернулся.

– Какие ещё женихи? – загремел старик, – Кто на мои сети позарился? Где они, гады, убью их всех!

– Во-он там они сейчас, пируют, – указала пальцем старуха, и старик поплёлся во-он туда – убивать женихов. Но пришел снова – к синему морю.

– Дурачина ты, простофиля, – сказала ему рыбка, – Чего тебе ещё не хватало?

– Где женихи? – тупо спросил старик.

– Возвращайся назад, будут тебе женихи, – посулила рыбка.

Делать нечего – побрёл старик обратно к землянке. А вместо землянки стоит изба какая-то незнакомая, а на улице отчего-то зима, снегу нападало, собаки из сумерек гавкают, а в избе вместо старухи сидят два разбойника, пьют зелено вино из горла и интересуются: «Доцент, ты где был?»

– Рыбу ловил! – с перепугу признался старик.

– А шлем куда дел? – продолжали допытываться разбойники.

– Ой, точно! Шлем-то я и забыл! – обрадовался старик и дал дёру. Снова к синему морю прибежал, стал кликать золотую рыбку.

– The subscriber is not available now! – высунулась из синего моря его старуха и снова скрылась в волнах. Видимо, сама угодила в услужение к золотой рыбке за вздорный свой характер.

Делать нечего. Побрёл старик обратно. Всю жизнь ведь туда-сюда бегать не будешь, тем более, сколько ему жить-то осталось, будь, что будет, от судьбы не уйдёшь.

Подошел старик к своей старой землянке (старухи отчего-то нигде видно не было), оттолкнул ногой разбитое корыто, пригляделся – а это и не землянка перед ним, а так, одна

видимость, доска размалёванная. Обошел старик эту доску, а за ней – хоромы царские, точь-в-точь такие, в которых старуха царствовала. Но и хоромы не всамделишные были. За ними боярский терем скрывался, тоже на доске рисованный, за теремом – снова землянка, и корыто рядом с ней обнаружилось хорошее, новое, но и корыто, и землянка, опять оказались фальшивкой. Так старик снова дошел до синего моря – уж оно-то было настоящим, мокрым, подвижным, изменчивым и простиралось до самого горизонта. Покликал старик золотую рыбку, и она приплыла к нему – к самым устами сахарным на высокой волне прикатила. Старик, не долго думая, поцеловал рыбку – после всего, что ему довелось повидать, такой поступок вполне естественным казался – а рыбка, не будь дура, оземь ударилась и превратилась в прекрасную девушку. Поглядел старик на своё отражение в воде (море сразу затихло, стало неподвижным, как по заказу) – а он и не старик уже, а добрый молодец.

– Дурачина ты, простофиля, – ласково сказала девушка.

– Уф! – успокоился старик (уже не старый), – Теперь полный порядок!

– Да, – улыбнулась девушка, – Заклятье спало. Только больше не называй меня ни рыбкой, ни золотцем, а то оно опять вернётся.

– Хорошо, зайка моя, – машинально ляпнул старик и съёжился, ожидая неминуемого превращения. Но в первый раз прощается. Даже корыто сделалось новое, хорошее, совсем как на свадьбу дарили.

Старые друзья

Слишком долго Колобок пел медведю свою песенку, так что лиса устала его поджидать и отправилась на поиски более лёгкой добычи. Приходит Колобок на условленное место – а лисы нет. Сидит под деревом какой-то барсук, ну что такое барсук против лисы? Ушел от него Колобок. И от лося ушел. И от кабана. И от африканского крокодила. И от полярной куропатки. Лиса тоже времени зря не теряла: от неё не ушел никто. Одинокая лиса и неприкаянный Колобок потом ещё много лет бродили по лесу, прежде чем пути их пересеклись.

– Привет, Колобок.

– Привет, лиса. Знаешь, если бы я встретил тебя лет десять назад, я бы наверняка попался.

– Знаю. Для начала я бы попросила тебя спеть мне песенку.

– Ну, а я спел бы. Я бы не смог тебе отказать.

– А я бы притворилась глухой: «А? Что? Не слышу! Сядь ко мне близко-близко».

– А я только об этом бы и мечтал! И сел бы, как миленький!

– И тут я бы тебя и слопала!

– Точно, ты бы меня слопала, а я бы даже не сопротивлялся.

– Да ну?

– Честное слово, мне бы это даже понравилось.

– Мне бы тоже.

Оба они молчат, вздыхая о несбывшемся.

– Но сейчас, знаешь, я уже не стала бы тебя есть, – продолжает лиса. – Ну, то есть, я могла бы, и мне бы даже понравилось.

– Да, я тоже мог бы, – кивает Колобок, – И сесть поближе, и песенку спеть. С большим удовольствием!

– Но это уже будет не то, – резюмирует лиса. – Это уже будет вполсилы, понимаешь? Потому что и ты знаешь, и я знаю, что можно прожить и без этого.

– Пожалуй. А ведь несколько лет назад я бы сам прыгнул к тебе в пасть!

– Может, оно и к лучшему, что мы тогда не встретились?

– Скорее всего.

– Ладно, давай уже заказ сделаем, – решительно говорит лиса и захлопывает меню.

– Ага, – копирует её жест Колобок и подзывает официанта. – Значит, один пирог с зайчатиной, уши волчьи вяленые, по-сычуаньски, и порцию тушеной медвежатины.

– Мне – то же самое, – улыбается лиса, и шепотом, чтобы слышал только официант, добавляет, – А на десерт – караоке.

Зелья отца Лоренцо

Ромео ворвался в склеп, в котором покоилось тело Джульетты, проглотил заранее припасённый яд и рухнул на каменные плиты рядом с возлюбленной. Вернее, ему показалось, что он падает – на самом деле он всего лишь стремительно уменьшался в размерах. «Муж мой, где ты?» – воскликнула очнувшаяся от сна Джульетта. Только эхо ответило ей. «Наверное, я слишком рано проснулась!» – сообразила она. К счастью, в изголовье своего печального ложа Джульетта обнаружила пузырёк с зельем, похожий на тот, что дал ей Лоренцо. «Выпью снова и ещё немного посплю. Страшно одной в гробнице ночью. А когда придёт Ромео – он меня разбудит». – решила Джульетта. Глотнув из пузырька, она стала вытягиваться и расти, так, что вскоре еле помещалась в просторном семейном склепе. Чтобы не снести крышу, Джульетта легла на пол – и тут только увидела крошечного Ромео.

– Муж мой... – прошептала она, – Неужели на Монтекки и Капулетти эти зелья действуют по-разному, и мы никогда больше не будем вместе?

– Это мы ещё посмотрим! – выкрикнул Ромео, и бесстрашно откусил большой кусок какого-то незнакомого растения, вплетённого в цветочную гирлянду, украшавшую ложе Джульетты. В воздухе повисла загадочная, похожая на половину сырной головы, улыбка – то ли кошачья, то ли призрачная, сказать наверняка было нельзя. Джульетта последовала его примеру и проглотила чуть не половину гирлянды. И разлетелась на тысячу тысяч светлячков.

Тут, как назло, в склеп начали проникать убитые горем родственники Джульетты. «Я, наверное, сплю!» – прошептала леди Капулетти и принялась бездумно поглощать лепестки розы. Никогда ещё в прекрасной Вероне не приземлялись инопланетяне, поэтому маленький зелёный человечек, в которого она превратилась, произвёл настоящий фурор. «Это конец!» – только и смог произнести отец Джульетты, залпом выпивая из неизвестно как оказавшегося у него в руках кубка то ли вино, то ли валерьянку. Внешне он не изменился ничуть, однако бедняга почему-то сразу понял, что стал Монтекки, и что это – навсегда.

Через пару часов, когда развеялись чары, превратившие Ромео и Джульетту в Чеширского кота и стаю светлячков, в семейный склеп Капулетти можно было пускать зевак – за большие деньги, разумеется. Диковинные животные и странные растения, гномы и феи, существа, каких нет и не может быть в этой реальности, и такие причудливые твари, которых придумают ещё только через несколько сотен, лет топтались на месте, пытались рассмотреть свои руки и ноги (если, конечно, в новом воплощении они были наделены руками, ногами или хотя бы глазами), шарахались от других таких же несчастных, угодивших в чародейские сети, в попытке проснуться щипали и кусали себя до крови (если у них были зубы, ногти или хотя бы кровь).

– Видно за наши проступки мы попали в ад, – прошептала Джульетта.

– Лучше в аду – с тобой, чем без тебя – в райских куцах, – предсказуемо ответил Ромео.

Когда заклятье спало со всей компании, и Монтекки снова стали Монтекками (непонятно, как они очутились в чужом склепе), Капулетти превратились обратно в Капулетти, им уже было не до старинной вражды.

– Вы представляете, каково это – стать чертополохом?

– Вам-то ещё повезло, вы хоть знаете, чем были. А я? Щупальца, щупальца, щупальца по всему телу, и при этом, кажется, совсем нет сердца!

– А вам приходилось быть лепреконом? Вообще-то нам положено отдавать горшочек золота тому, кто нас поймает. Но у меня-то не было никакого золота, я ведь не настоящий лепреконт. Пришлось уворачиваться от всех и каждого. Хотя меня, кажется, никто и не думал ловить...

Поодаль, на старинной могильной плите, сидели, обнявшись, Меркуцио, Тибальт и Парис.

– Чертополохи! Щупальца! Эка беда, ай-ай-ай, какие мы нежные! – переговаривались они, – А как бы им понравилось быть мертвецами? Ну-ка, братцы, выпьем ещё вина и забудем прежние разногласия.

– Какое счастье снова быть собой, быть человеком! – на все лады твердили спасённые веронцы.

– Просто невероятное счастье! Ах, взгляните на Джульетту! Она жива, она снова с нами!

– Кажется, нас заметили, – вздохнул Ромео, поворачиваясь к своей возлюбленной, – Где мой кинжал? Заколемся разом, но не дадим нас разлучить!

– погоди, – слегка отодвинула его в тень Джульетта, – Здравствуйте, мама, здравствуйте, папа. Хочу представить вам своего супруга. Законного супруга. Нас тайно обвенчал отец Лоренцо.

– Да-да, я их действительно обвенчал, – своевременно появился в дверях упомянутый.

– Ромео? Ну что Ромео? – философски сказал отец Джульетты, – Мы такого сегодня навидались: все эти горгульи, демоны, эльфы, трёхголовые псы до сих пор так и стоят у меня перед глазами. Да право, по сравнению с ними антропоморфный шалопай Ромео видится мне посланцем небес. Будьте счастливы, дети. Иди ко мне, Монтекки! Давай обнимемся, что ли, старый ты мошенник.

Несмеяна

В некотором царстве всё время шел дождь. Не то чтобы каждый день лило, как из ведра, но уж точно не было в этом царстве ни одной полностью солнечной недели. Поэтому жителям приходилось придумывать разные полезные изобретения, спасающие от сырости обувь, огороды и дома. И только настроение жителей царства было ничем не спасти и не исправить: все они от вечных дождей стали унылыми, печальными какими-то, и никто не мог их разве-селить больше, чем на пятнадцать минут. Придворный психолог специально засекал время и потом выступал по телевизору с обеспокоенной речью. Сколько ни надрывались многочислен-ные артисты и клоуны на улицах и площадях царства – ни в какую. Придёт народ, посмеётся пятнадцать минут – и снова в меланхолию ударяется, а некоторые заодно и в депрессию.

А ещё в этом царстве, прямо во дворце, жила царевна красоты неопиcуемой. Её фото-графии часто печатали на обложках разных модных журналов, даже иностранных. Но вот беда: если прочих жителей царства можно было хотя бы на пятнадцать минут рассмешить, то царевну – ни на секундочку! Старухи-сплетницы говорили, будто царевна-несмеяна целыми днями сидит в своих покоях и плачет, плачет, плачет – потому и дождливо в царстве. А плачет она, дескать, оттого, что нету у неё мужа, а пора бы!

Окрестные царевичи, принцы и князья, поверив в эти сплетни, многократно раздувши-еся от пересказывания в дождливую погоду, целыми толпами съезжались во дворец, чтобы рассмешить царевну. Почему-то им казалось, что смех – самый простой путь к её сердцу.

На самом деле царевна-несмеяна никогда не плакала (и не смеялась, как вы знаете, тоже). Она сидела в своей комнате или гуляла по саду, или танцевала на придворной дискотеке всегда с одинаково приятным задумчивым выражением на лице. Понятно, что отбоя от кавалеров у такой прекрасной неземной девы не было, и царевна-несмеяна дарила свою благосклонность то одному, то другому.

– Стыд один, – басил папенька царевны, царь, стало быть. – А также срам! Ты бы что ли выступила со страниц модного журнала, да сказала, что не нужны тебе эти балаганы заезжие и царевичи худородные. Я в завещании уже написал, что моим наследником будет сын двою-родного брата Авдея, тоже царя. У Авдюхи много сыновей, ему не жалко. Живи как хочешь, я тебя неволи́ть не буду, только избавь нас от женихов, а то я им головы рубить начну. Вот ей-богу, завтра же верну из ссылки палача, даже не поленюсь указ надиктовать и подписать!

– Что вы так нервничаете, папенька? Народ, как вы меня учили, требует не только хлеба, но и зрелищ. Так зачем же нам прогонять принцев с их смехачами, шутами и клоунами? Мне-то, конечно, они кажутся глупыми и несмешными, но людям нравится. И заметьте – нам эти представления не стоят ни гроша. Если я прогоню женихов, народ может взбунтоваться, а это так утомительно, когда народ бунтует.

– Ты права, моя красавица, – всякий раз соглашался царь. – Придётся терпеть этот срам. Всё-таки цирк лучше, чем революция.

А принцы, царевичи и королевичи всё везли и везли в дождливое царство своих смеш-ных артистов. Однажды даже приехал такой принц, который сам сочинял весёлые истории и с выражением зачитывал их почтеннейшей публике. Истории у этого принца оказались – не в пример предыдущим – действительно смешными. Царевна-несмеяна, изволив выслушать их, несколько раз хлопнула в ладоши, а уж придворные-то как покатывались! Гогот стоял – на всё царство, даже шума дождя не было слышно.

– Ну, насмешил, – утирая слёзы, сказал царь. – Это ж надо так завернуть было! Вот умора.

– Благодарю вас, – поклонился принц. – Только вот дочери вашей, кажется, совсем не понравились мои истории, а я ведь так надеялся её развеселить!

– Отчего же, юноша? – снизошла до ответа царевна-несмеяна. – У вас очень весёлые истории. Я бы с удовольствием послушала ещё.

– Так почему вы не смеётесь над ними? – чуть не плача, спросил принц (он почему-то был уверен, что всякий, кто не смог рассмешить царевну-несмеяну, отправляется прямиком на плаху, а не к себе домой).

– Ну что вы как сговорились все? – топнула ногой царевна. – Это мой маленький девичий секрет! Много лет назад старая колдунья из тёмного леса сделала мне пластическую операцию, чтобы я всегда оставалась молодой красавицей. Только опыт у неё небольшой в этом деле был. И вот – издержки. Ни улыбнуться, ни заплакать. Но лицо вышло отменное, сорок лет держится!

Сказки Гадкого Утёнка

Наступила весна, и птицы стали возвращаться из тёплых краёв в родные гнёзда. Пруд, на котором поселился Гадкий Утёнок, находился как раз на пересечении нескольких крупных воздушных магистралей, а это означало, что шанса избежать встречи с пернатыми насмешниками – нет.

Зима выдалась холодной, и Гадкому Утёнку пришлось покинуть свой пруд и переместиться в город, где ждал его канал, не замерзающий всю зиму. Вороны утверждали, будто в этот канал сливают вредные химикаты, но кто будет слушать каких-то ворон? Гадкий Утёнок ещё летом навевался сюда: химикаты были совсем не вредные – после них мир становился немного другим, а наш герой любил разнообразие.

Спрашивается – а почему же он на этом канале не поселился? Тепло, спокойно, заводы сливают в воду химикаты совершенно бесплатно, а если захочется домашней пищи, то можно долететь до ближайшей помойки, что возле заводской столовой, разогнать ворон и наглых чаек и полакомиться вкусными объедками. Часто Утёнок именно так и поступал.

– Шухер, ребята, Гадкий летит! – кричал, бывало, какой-нибудь наблюдательный воробей, и птицы покидали пиршество, хватали недоеденные кусочки и убегали прочь. Наблюдательного воробья в этой давке чаще всего затапывали, а Утёнок выбирал из оставшихся объедков самые роскошные и обедал в одиночестве. Никто не хотел разделить с ним трапезу: уж больно он был гадок!

Но вот закончилась эта скучная, утомительная зимняя пора, когда даже смешные химикаты из канала уже не кажутся такими смешными из-за холода и одинакового белого снега, укрывающего землю, и Гадкий Утёнок вернулся на свой пруд.

Первая, самая ранняя стая прекрасных лебедей, опустилась на недавно вылупившуюся из ледяного яйца воду ранним утром.

– Ну что, друзья, ничего так лужица? Взбудоражим её по-нашенски? – спросил вожак стаи.

– А то! – отвечали прекрасные лебеди, – Только разомнёмся немного.

И они стали разминаться, плескаться, нырять и радоваться тому, что зима закончилась и они снова вернулись на родную землю.

Гадкий Утёнок сидел в зарослях камыша и снисходительно наблюдал за этой аква-аэробикой. Он так хорошо замаскировался, что лебеди думали, будто они на этом пруду совершенно одни. «Всё, сил моих больше нет, – вздохнул, наконец, наш герой, – Пускай меня заклюют эти гордые птицы, но я должен всё им рассказать!»

Когда белоснежный лебедь, ещё более прекрасный, чем те, что резвились в пруду, выбрался из своего укрытия, вся стая заплотировала ему.

– Поглядите, кто к нам плывёт!

– Где, где?

– Да вон же, вон! Как он грациозен!

– Как строен!

– Как гармонично сложен!

Гадкий Утёнок поклонился почтеннейшей публике – о том, что он прекрасен, ему не нужно было напоминать, даже глупые городские вороны, даже опустившиеся помоечные чайки с этим не спорили.

– Добро пожаловать домой, братья, – хорошо поставленным баритоном сказал Гадкий Утёнок.

– И сёстры! – крикнули сёстры. На них цыкнули.

– И сёстры, да, да, конечно, и сёстры, – устало кивнул Гадкий Утёнок. – Всю зиму я мечтал о встрече с вами. Всю долгую снежную зиму...

Лебеди затаили дыхание. Он провёл в одиночестве целую зиму – шутка ли!

– Я страдал от холода, голода, но более всего – от скуки. Я скитался, побирался и надирался. В кровь разбивался и нарывался. Зарывался, скрывался, срывался... Но знал, что зима рано или поздно закончится, и я смогу... О, нет... Нет, не смогу... – Гадкий Утёнок картинно-устало провёл крылом по глазам.

– Ты сможешь! Ты сможешь! – поддержала его стая.

– Вы вправе осудить меня, – вздохнул Гадкий Утёнок. – Ибо жизнь моя так не похожа на вашу – правильную, добропорядочную и степенную. Я гадок, о нет, я омерзителен! Я недостойн находиться в одном водоёме с такими благодетельными птицами...

– Достойн! Достойн! – ревела стая. – Давай, рассказывай!

И Гадкий Утёнок, горько усмехаясь и надолго замолкая, рассказал им всё о своей порочной жизни на этом уединённом озере. Он не утаил ничего, ни единой подробности, но слушатели хотели продолжения.

– Извините, мои дорогие собратья, но я так утомлён, что не могу более продолжать! – взмолился Гадкий Утёнок, – Прилетайте сюда как-нибудь ещё, если захотите послушать исповедь оступившегося порочного лебедя.

– Мы прилетим, мы прилетим обязательно! – загалдела стая. – А теперь позволь мы принесём тебе самой вкусной и изысканной еды, какую только сможем найти в окрестностях этого пруда! Не откажи в любезности!

– Валяйте, – безразлично махнул крылом Гадкий Утёнок. – Сегодня у меня вряд ли хватит сил на то, чтобы отправиться обедать на помойку.

– Он обедает на помойке! О! – пришли в экстаз лебеди и обеспечили Гадкого Утёнка запасом продовольствия на целую неделю.

А через неделю на пруд опустилась новая стая. Она плескалась и резвилась в прозрачных водах, а потом из зарослей камыша выплыл некий одинокий красавец.

– Вы можете заклевать меня, прекрасные гордые птицы, – начал он свой рассказ. – Но у меня нет более сил хранить молчание...

Его слушали, не перебивая. Каждому добропорядочному лебедю хочется хоть на мгновение почувствовать себя Гадким Утёнком. Но на то, чтобы действительно стать таким, у большинства птиц чаще всего не хватает ни сил, ни смелости.

Всё лето Гадкий Утёнок только и делал, что рассказывал любопытным пернатым собратьям истории из своей многогрешной жизни, да объедался вкусными подношениями, даже потолстел немного.

Ну ничего. Скоро наступит морозная и голодная зима, и ему снова придётся вести исключительно гадкую жизнь, чтобы следующим летом было о чём рассказать этим перелётным простофилям.

Помни про Эвридику

Орфей спускается в царство Аида, у входа его приветствует плакат «У нас не умирают». По земле стелется белый туман, над головой клубится серый. В тумане бродят тени. Как среди них искать Эвридику – совершенно непонятно.

К полудню туман рассеивается, тени становятся похожи на обычных людей. Орфей свободно бродит среди них, прислушивается к разговорам. Какие пограничные посты? Какие документы? О чём они? У него есть только один документ, самый главный – на освобождение Эвридики. Но как он найдёт её в этой толпе? Надо же, сколько народу уже поумирало.

Орфей присаживается на камень и перебирает струны – может быть, если он будет петь её любимые песни, Эвридика найдёт его сама?

Эвридики всё нет, зато местным жителям, похоже, песни тоже понравились. Они кидают к ногам Орфея монеты, и через несколько часов проголодавшийся певец уже стоит у ларька и жуёт адскую шаверму. Тут же зарабатывает адский гастрит.

– Ты, что ли, так хорошо играл? – спрашивает у Орфея кто-то из местных.

Это – знаменитый организатор концертов. Во всех областях Аидова царства любят музыку, и готовы платить за неё хорошие деньги.

Орфей нанимается на работу – если тут и вправду кругом границы и документы, то этот человек поможет ему свободно перемещаться везде. Здесь нет справочной службы и невозможно узнать, в какой из областей томится Эвридика. Работодатель говорит, что когда-то очень давно души в царстве Аида разбились на группы по интересам и стали огораживаться от соседей. Скажем, убийцам не хотелось иметь ничего общего с судьями, а художникам – с бюрократами. Постепенно границы стали такими крепкими, что не всяким документом их перешибёшь. Но для тех, кто умет развлечь местных жителей прекрасной песней, границы открываются.

Несколько адских лет уходит на то, чтобы объездить с гастролями где-то треть царства Аида. Орфей уже привык к своему положению, про Эвридику вспоминает только во сне. Однажды после концерта он сидит на скамеечке под раскидистым дубом, перебирает струны, напевает что-то, и тут перед ним возникает Эвридика.

– Ты тоже умер? – говорит она, – Надо же, а талант остался с тобой. Я слышала, что все таланты исчезают, как только нас закапывают в землю.

– Так я не умер! – очухивается Орфей, – Наоборот, я пришел за тобой. Вот документы! Документы на спасение поистрепались, но Орфей всегда носит их с собой, как талисман, как память о том, что он всё-таки живой.

Орфей и Эвридика берутся за руки и идут прочь. Они проходят несколько адовых областей, и никто не задерживает их.

Следом за Орфеем бегут все его импресарио и концертмейстеры, кричат: «Не покидай нас!», предлагают заоблачные гонорары.

Осталось только миновать ворота, ведущие наружу – Цербер уже открыл их, стоит рядом, отдаёт честь, прикладывая лапу попеременно к каждой из трёх голов.

Организатор концертов рвёт на себе волосы, выкрикивает в отчаянии какую-то сумму.

– Серьёзно? Но тогда вы будете работать себе в убыток, – оборачивается к нему Орфей. И исчезает.

Эвридика стоит на пороге мира живых, держит в руках документы. Цербер продолжает отдавать честь, теперь уже хвостом.

Она выходит, никто её не задерживает. После того, что произошло, ей хочется умереть. А в царстве Аида не умирают.

Маленький принц и большие амбиции

У одного маленького принца было очень маленькое королевство: оно ему от предков в наследство досталось. Когда принца принудили вступить во владение этим наследством, в маленьком королевстве обнаружились только долги, неоплаченные счета и непогашенные кредиты. Больше там ничего не было. Нет, вру. У забора росла крапива, а в заброшенном свинарнике доживали последние денёчки две исхудавшие до последней стадии дряхлые свинки.

Маленький принц первым делом, как проснулся, привёл в порядок своё королевство. Крапиву выкорчевал, а вместо неё посадил под окнами крошечного ветхого замка розу. Свиньям прописал усиленное питание, и через какое-то время оказалось, что вовсе это не престарелые хрюшки, а вполне молодые особи, так что вскоре всё королевство (кроме клумбы под окном, на которой росла роза) упорный принц засеял сочной травой. Только оставил на заднем дворе две грязных лужи: в них очень нравилось нежиться свиньям. Так, благодаря хрюшкам, принц постепенно вылез из долгов, потом поднатужился и заплатил по счетам, а вскоре и кредиты погасил, и стал подумывать о том, как бы упрочить влияние своего королевства на международном рынке.

Принц был трудолюбив и расторопен: он и свиней пас, и на бирже играл, и даже пытался разведывать нефть на заднем дворе, где лужи. Если бы разведал – то непременно сам бы её и выкачал, ручным насосом, но нефть всё не разведывалась. Принц трудился с утра до ночи, но окрестные короли презрительно называли его «свинопасом», воротили от него носы и всячески давали понять, что его маленькое королевство ничего из себя не представляет. То же самое думали и обозреватели из зарубежных журналов. Например, в «Рейтинге ста самых влиятельных королевств мира» маленького королевства не оказалось, хотя все известные люди (кроме тех, которым воспитание не позволяло) уплетали на завтрак, обед и ужин свининку из маленького королевства. Она считалась самой экологически чистой, вкусной и вообще – достойной королей и поп-звёзд.

Принц, уже не такой маленький, как в начале своей карьеры, но по-прежнему очень гордый, порвал в клочки иностранные журналы и стал бегать по заднему двору, потрясая кулаками. Его оскорбили и унизили. С этим надо было что-то делать!

Через несколько дней принц устал бегать, успокоился, и выписал себе из соседнего королевства консультанта (за валюту).

– Давайте поскорее меня консультируйте, – сказал ему принц, едва поздоровавшись. – Потому что мне через полчаса надо будет свиней перегонять на другое пастбище.

– Ничего-ничего, – сказал консультант. – Раз уж вы мне заплатили в валюте, то я готов ходить за вами следом и давать вам советы прямо на ходу. Так они и усваиваются лучше. Можете не отвлекаться от работы.

И принц с консультантом отправились на пастбище. Консультант, проживший всю свою взрослую жизнь в столице большого королевства, воспринимал эту командировку как отдых в деревне, поэтому у него тут же проснулось вдохновение, и вскоре он уже нарисовал принцу схему вывода маленького королевства в первую десятку самых влиятельных. Ну, или в двадцатку.

– А вот это – обязательно? – поморщился принц, подчеркивая пункт третий пятого параграфа.

– Обязательно! – строго сказал консультант. – Я бы даже советовал вам с него начать!

– Но ведь я один. И я разборчивый! – попытался обороняться принц.

Всё дело в том, что в пункте третьем пятого параграфа значилось: «Для привлечения к королевству внимания широкой общественности, жителям означенного королевства необхо-

димо принимать участие в сорока любовных интригах с жителями соседних королевств. Ежедневно».

– Вы хотите в десятку или вы не хотите в десятку? – разозлился консультант. – Делайте, что я вам говорю!

И старательный принц, вздохнув, принялся исполнять указания дорогого заграничного консультанта. Он вытащил из кладовки все милые бесполезные безделушки, которые остались от прежних хозяев замка, вычистил их, некоторые даже починил, и отправился в соседнее королевство – там как раз жила очень любопытная принцесса.

– Ой, кто это, неужели Свинопас? – закричала она, чуть завидев принца. – Дяденьки пограничники, пропустите его скорее сюда, под мою ответственность.

– Мы уже пропустили как-то раз шпиона под вашу ответственность, – проворчали пограничники. – И нам за это был нагоняй от начальства.

– А если не пропустите – я вам головы прикажу отрубить! – показала язык принцесса. И принца-свинопаса к ней пропустили.

Любопытная принцесса сразу же заинтересовалась поющей матрёшкой, которую принц как бы случайно захватил с собой.

– Я хочу эту куклу! – закричала она. – Подари мне её скорее, иначе я пожалуюсь моему папе!

– Эта кукла досталась мне в наследство от бабушки, – вздохнул принц (на самом деле он не знал, от кого ему досталась эта кукла, но надо же было что-то сказать). – Мне будет жалко с ней расстаться.

– Ну, тогда давай я её у тебя куплю. Или хочешь – поменяю вот на это колечко? Оно мне тоже досталось от бабушки, такое немодное, ужас!

Принц, немного разбиравшийся в драгоценностях, чуть не согласился и всё не испортил: продав это немодное колечко, он смог бы прикупить себе половину соседнего царства, с лесами и выходом к морю!

– Если уж и менять на что-нибудь наследство моей бабушки, – превозмогая природную скупость, проговорил принц. – То исключительно на сорок поцелуев! Принцессы, или её подружек. Но не меньше сорока! Такова моя цена.

– А, да ты просто влюбился в меня! – засмеялась принцесса. – Ну что же, давай целоваться. Эй, девчонки, тут пришел влюблённый принц, он целоваться хочет! Дяденьки пограничники, отвернитесь, пожалуйста!

Каждый день, в строго определённое время, принц, с очередным подарком, подходил к границе то одного, то другого королевства, и участвовал в любовных интригах с местными жительницами (принцессами и знатными дамами). Впрочем, о других рекомендациях заграничного консультанта он тоже не забывал, и вскоре его королевство заняло восемнадцатое место в рейтинге ста самых влиятельных.

Принцессы и знатные дамы, целовавшиеся с «влюблённым свинопасом», тут же побежали на радио, телевидение и в газеты, чтобы рассказать, как они тайно встречались с хозяином такого крутого королевства. Благодаря этим признаниям маленькое королевство заняло пятое место в рейтинге самых влиятельных, что вполне устроило амбициозного, но не помешанного на вселенской славе принца.

Так вовремя вынутые из кладовки старые безделушки, оставшиеся в наследство неизвестно от кого, могут помочь в бизнесе. Это называется фэн-шуй.

Фея наносит ответный удар

Когда крёстная фея окончательно спятила, Золушке пришлось несладко. Раньше, ещё в детстве, все девчонки двора ей завидовали: фея помогала крестнице без последствий прогуливать уроки, вытаскивать на экзаменах самые лёгкие билеты и отмазываться от прививок и экскурсий в краеведческий музей. Но теперь всё пошло наперекосяк. После очередного кризиса на рынке добрых услуг, единственной целью старой женщины стало облагодетельствование Золушки. Как же, бедняжка так плохо живёт! Целыми днями занимается домашним хозяйством, ну какая, скажите, помощь от этих стиральных и посудомоечных машин, микроволновых печей и пылесосов? Из сил же дитя выбивается!

Дитя и вправду выбивается из сил – потому что мало кому удаётся так рано осознать своё предназначение, а ей вот повезло. Золушка хочет быть домашней хозяйкой. Да-да, самой обыкновенной, лучшей в мире домохозяйкой. Чтобы в доме её всегда было уютно, пироги на столе горкой, дети умытые по саду бегают. У Золушки и жених уже есть – соседский парень, никакой не принц. Скоро из армии вернётся – и они наконец поженятся.

Старшие сёстры тоже, на Золушку глядя, определились с призванием: одна геологом будет, другая – воздушной гимнасткой. Но им ещё учиться и учиться, а младшенькая уже всё умеет – даже самые сварливые старухи тайком ходят к ней подглядеть, как она готовит варенье. Словом, всё бы в жизни Золушки было прекрасно, кабы не крёстная.

Например – неделю назад – собралась Золушка вечером, тёплым июльским вечером, когда ещё не стемнело, но на улице уже приятно так похолодало, перебрать чечевицу. О, если бы вы пробовали Золушкину чечевичную похлёбку с букетом средиземноморских трав, вы бы поняли, почему ей так важно самой перебирать зерно. И вот, значит, крыльцо вычищено и выметено, только и ждёт, чтобы на него сели и наслаждались сельской тишиной и благодатью, а ещё – шелестом чечевицы в полотняном мешке, Золушка заходит в амбар – а там, оп-ля, сюрпрайз! Вся чечевица как попало перетрогана, в бумажные пакеты пересыпана, вроде бы и сделано дело, но без души, без старания. Зато рядом записка приколота: «Отдыхай, крестница, резвись, тётя фея всю работу за тебя сделала. Лишь бы тебе было хорошо, так-то. Твоя Ф.» Так и сидит Золушка весь вечер на крыльце, и никто её развлечь не может – ни мачеха, ни сёстры, даже письмо от жениха из армии радует, но не вполне.

В день, когда нарядный посыльный приносит всему семейству приглашение на бал, Золушка вспоминает все известные ей молитвы и просит каждое доброе божество не позволить этой информации просочиться в логово крёстной. Потому что Золушка на бал не хочет – это ведь будет её первый бал, а принц, говорят, очень любит приударить за каждой новенькой, такая вот у него королевская привычка. Но божества, понадеявшись друг на друга, просьбу Золушки не выполняют, и в назначенный день, когда всё семейство отправляется на тусовку, а сама девушка наконец-то принимается за давно намеченное благоустройство сада, фея-крёстная эффектно возникает в центре самой неухоженной клумбы.

– О, бедное изнурённое дитя! – восклицает эта безумная леди, – Жестокие неродные твари бросили тебя совсем одну на домашнем хозяйстве, а сами свалили на бал?

– Нет-нет. Я сама очень рада, что избавилась от них, – приветливо улыбается Золушка.

– Узнаю характер твоей матери, узнаю. Та тоже всегда старалась казаться довольной и счастливой – вот и умерла слишком рано, от горя и лишений.

Мать Золушки погибла в автокатастрофе, и фея должна это помнить и лишний раз не болтать об этом, но она выжила из ума настолько, что мелет, как дурная мельница, что придётся.

– Как вы думаете, крёстная, если вместо роз посадить гиацинты, это не будет выглядеть слишком строго? – пытается сменить тему благовоспитанная Золушка.

– Я посажу розы, деточка. Не беспокойся. И гиацинты посажу. А тебе на бал надо. Тебя принц сразу приметит, ты у меня такая выросла красавица! И станешь сейчас ещё краше – не будь я фея!

«Не будь ты фея – скольких проблем удалось бы избежать!» – думает Золушка. Но вслух ничего не говорит – если уж добрая тётушка втемяшила себе что-нибудь в голову, то не успокоится, пока не исполнит это так, как считает разумным. А разумными она, как на грех, всё чаще и чаще нарекает самые бессмысленные и безрассудные вещи.

Так что фея берётся за дело, и при помощи волшебной палочки, превращает в карету каравай хлеба. Да, надо бы тыкву, но у Золушки все тыквы, кабачки и патиссоны благоразумно припрятаны в погребе. Особенно патиссоны. Однажды, желая во что бы то ни стало отправить крестницу в летний лагерь, фея превратила ещё зелёный патиссон в летающую тарелку, и Золушке просто чудом удалось избежать гибели от системы ПВО. Повезло, можно сказать.

Коней приходится делать из маленьких и круглых, как помпоны, домовых мышей (получаются пони), кучера – из кузнечика (получается андроид какой-то), но фея как будто не замечает этого. Она колдует над домашним платьем Золушки, вручает ей чертовски жесткие хрустальные туфли вместо удобных босоножек (мозоли обеспечены уже после первого танца) и отправляет в путь. И Золушка, оглядев на прощание невозделанный сад, садится в карету. Ничего не поделаешь – нельзя расстраивать крёстную, у неё ведь старое больное сердце. Стоит намекнуть ей на то, что вся её помощь, мягко говоря, не стоит выеденного яйца, и старушка может запросто откинуть коньки. А Золушка – добрая девушка, ведь всё у неё в жизни ладится (поскорей бы жених из армии вернулся!), вот она и терпит ненужные и вредные эти заботы. Иной раз сёстры по два часа делают ей расслабляющий массаж, или мачеха отпаивает вальс-вальс, когда фея бывает особенно в ударе, но – надо терпеть и прощать старикам их маленькие заскоки, да, все мы это знаем.

Оказавшись во дворце, Золушка прячется за колоннами и спинами рослых придворных дам, но принц всё равно находит её и приглашает на танец.

«Мне спасибо скажи, что он нашёл тебя, скромница ты моя.» – раздаётся в ушах Золушки голос крёстной.

«Потерпи только один танец – и домой! – шепчут милые старшие сёстры, ободряюще пожимая Золушке руки, – Мы потом отвлечём его, хоть он и противный пошляк!»

«Можешь воспользоваться нашим экипажем, тогда успеешь на свой любимый сериал» – smsит мачеха.

Какое счастье, что намерения Золушки ясны и чисты, а родня на её стороне. И жених из армии скоро вернётся.

Подарок Прометея

Освобождённый Прометей сразу отказывается от выгодной службы на Олимпе, потому что хорошо знает местные нравы: лет триста здешние шутники будут подходить к нему и, озабоченно покачивая головой или прищёлкивая языком, интересоваться: «Ну, как печень? Не беспокоит?»

«Пусть забудут» – решает Прометей и отправляется к людям.

Люди, согретые прометеевым огнём, перестали вымирать и мёрзнуть, изобрели массу изобретений, избавились от комплекса неполноценности перед своим благодетелем и теперь запросто приглашают могучего титана в кабак или в гости.

– Я бы предложил вам хорошо зажаренное мясо, – любят приветствовать его местные кабатчики. – Но боюсь, это будет вредно для вашей печени!

Они повторяют друг друга слово в слово, и каждый при этом думает, что замечательно пошутил!

Людские шутки не действуют на Прометея. «А ты зато – смертный!» – злорадно думает титан и расплывается в доброжелательной улыбке.

«Надо же, наконец-то моим шуткам хоть кто-то смеётся!» – умиляется про себя смертный и обслуживает почётного гостя с удвоенной любезностью.

В кабаке ли, в гостях, Прометея просят рассказать о том, как он висел на скале, какие муки претерпевал и как потом был освобождён. Послушать его приходят люди из дальних мест, так что история о ком-то, пригвождённом к чему-то и претерпевавшем за людское благополучие страшные муки, в разных уголках мира пересказывается по-своему, в зависимости от местных обычаев и способов казни.

Прометей тоже не сидит на месте, изучает людей, дивится их изобретениям. Народы мира сменили шкуры на вполне цивилизованные, хоть и непрактичные костюмы, но не сильно изменились в остальном. Прометея даже слегка утомило их общество, пока он, наконец, не почувствовал, что пришла пора возвращаться на Олимп. Он бы и вернулся в тот же миг, оборвав на середине почтенного какого-то старца, явившегося издалека, но титан не привык приходить куда-нибудь без подарка. А найти подарок для бессмертных богов сложнее, чем кажется наивным людям, привыкшим приносить в жертву всё, что кажется привлекательным им самим.

Однажды, ночуя в доме у какого-то лавочника, Прометей просыпается слишком рано, ещё до рассвета, от страшного звона в ушах. Перебирая в памяти всё, что он вчера пил и курил, Прометей приходит к выводу, что звон ему не примерещился и не является следствием злоупотреблений и излишеств.

В самом деле, выйдя на кухню, он обнаруживает за столом всё лавочниково семейство, уныло поедающее свою кашу.

– Я слышал какой-то странный звук, разбудивший меня. Если началась война – я смогу перенести всех вас в безопасное место. В благодарность за гостеприимство.

– Не существует на этой планете безопасных мест, я вчера телевизор до трёх ночи смотрел, я знаю, – вздыхает хозяин. – Но войны у нас никакой нет, расслабься. Просто нам пора на работу и в школу. А та штука, которую ты слышал, называется «будильник». Очень полезное изобретение – для тех, кто хочет стоять в лавке раньше, чем придёт первый покупатель.

– Ужас какой! И вы вот так, каждый день, вскакиваете ни свет, ни заря по этому звонку?

– А ты что-нибудь другое посоветуешь? – мрачно интересуется хозяин, – Может, притащишь нам с неба волшебную будилку, которая будет ласково щекотать нам пятки и брызгать в лицо какой-нибудь бодрящей ароматной жидкостью?

Прометей знает одну бодрящую ароматную жидкость, она называется – нашатырь, но этот человек был так добр к нему, что просто не заслужил подобного подарка. Затем мысли титана принимают другое направление.

– Скажи-ка, а у тебя в лавке есть эти самые будильники? – интересуется он у хозяина, когда тот уже стоит на пороге.

– Тоже решил податься в лавочники? Пустая затея! С таким характером ты быстро разоришься.

– Да мне не для себя, – уклончиво отвечает Прометей. – Это подарок.

– А, ну если так – то у меня, конечно, найдётся для тебя самый звонкий будильник, какой только можно найти во всей округе.

– Это уж пожалуйста, – кивает Прометей. – Самый звонкий, громкий и прочный из всех, какие у тебя только есть.

Совершив акт купли-продажи, Прометей понимает, что чертовски соскучился по своим олимпийским приятелям и отправляется прочь от людей.

Первым делом он почтительно преподносит Зевсу свой подарок: маленький красный будильник. Зевс любит подарки, а потому сразу устанавливает будильник у изголовья и накладывает на него заклятия вечности, неприкосновенности и чёткости.

И с тех пор каждое утро, ровно в семь утра, к Зевсу прилетает дятел и клюёт его в висок.

Из разного теста

Оказавшись в тёмном чулане, Буратино раскаивается и клянётся всем здешним паукам стать уже, наконец, умненьким и благоразумненьким мальчиком и даже на какое-то время перестать гоняться за золотым ключиком. Летучую мышь, притащившую маляву от кота и лисы, он с негодованием прогоняет и утром начинает новую жизнь. Вежливо здоровается с Артемоном, пришедшим его выпустить на волю, целует ручку Мальвине, а всей лесной и луговой живности улыбается так обворожительно, что даже народный знахарь Богомол вынужден признать: пациент скорее жив, жив, да еще как!

После завтрака Буратино – словно бы его подменили – бежит мыть посуду в ручье, затем садится за чистописание, с энтузиазмом берется решать математические задачки и так далее. Он, конечно, вырезан из полена – не то, что Мальвина, с её чудесной фарфоровой головой – и наука даётся бедняге с трудом. Не раз и не два строгая кукла с голубыми волосами отправляет бестолкового ученика в тёмный чулан, но он покорно сносит всё, и в конце концов становится вполне образованным деревянным человечком.

Через несколько лет Буратино – уже на правах полноправного совладельца красивого кукольного домика на лесной поляне – выписывает из города своего отца, Карло. За Карло по пятам следует Джузеппе, а за ним – ни с чем не сравнимый запах перегара. Своенравные старички возводят себе хибарку неподалёку от дома Мальвины и даже иногда пытаются давать Артемону советы по ведению домашнего хозяйства.

В один из тёплых летних дней, когда всё живое – даже мертвецы пьяный Сизый нос – неизвестно почему радуется и ликует, из леса выходит Пьеро – заросший и усталый, но по-прежнему очень печальный.

– Нищим не подаём! – машет на него лопатой Джузеппе. Он взялся вскопать грядки, но всё никак не может приступить к работе, только выпивает для храбрости каждые пять минут.

– Не слушай его, парень! – кричит Карло, высунувшись из дальнего парника. – Заходи, накормим! Расскажешь, что на свете делается.

– Скажите пожалуйста, а госпожа Мальвина – здесь живёт? – запинаясь, спрашивает Пьеро.

– Как не здесь? – ухмыляется Джузеппе. – А ты ейный бывший?

– Оставьте, пожалуйста, это панибратство! Мы с вами даже не знакомы!

– Ну так сейчас познакомимся. Выпьем – и будем здоровы. Или ты брезгуешь, гад?

– По какому праву вы тыкаете мне и называете меня – гадом?

– Да потому что ты типичный гад. Как же тебя ещё называть? – удивляется Сизый Нос.

Непонимание между столяром и поэтом усиливается, ещё чуть-чуть – и воздух между ними раскалится настолько, что вспыхнут и запылают все уголья. К счастью, на пороге домика появляется Артемон. Быстро оценив ситуацию, он хватается за Пьеро под руки и тащит его на веранду.

– Это вы? – краснеет Мальвина и проливает чай на белую скатерть (к счастью, Буратино поблизости нет – он только недавно научился аккуратно чаевничать, и такой пример был бы ему во вред)

– Поверьте, я случайно шел мимо, и вдруг этот мужчина, ваш садовник, окликнул меня.

– Я всё понимаю. Хотите чаю?

– Удобно ли?

– Садитесь вот на этот стул – здесь удобнее.

Только после трёх чашек чая с молоком и сахаром, Пьеро решается произнести то, ради чего он пришел:

– Скажи мне, ты счастлива с ним? Он ведь сделан совсем из другого материала, не то, что мы с тобой.

Солнце скрывается за небольшой безобидной тучкой. Над лужайкой проносится порыв ветра, и вся лесная и полевая мелочь ненадолго замолкает. Слышно, как на улице Джузеппе бодро вонзает лопату в податливую почву.

– Сначала с ним было очень тяжело, – понизив голос, признаётся Мальвина. – Невоспитанный, грубый, чурбан! И при этом – самоуверенный нахал, каких мало!

– Этого следовало ожидать, – подаётся вперёд Пьеро. – Полное отсутствие воспитания и сомнительное происхождение этого типа говорят сами за себя.

– Но он так старался! – заступается Мальвина. – Он так хотел стать умненьким и культурным мальчиком, что в конце концов у него это получилось!

– Поздравляю, ты прекрасная воспитательница, – ехидно говорит Пьеро. – Ну а теперь, когда столь благородная миссия выполнена – ты ведь признаешься себе в том, что всю жизнь любила только меня?

– Я никогда этого не скрывала, – шепчет Мальвина.

– И ты, наконец, откажешься от этого, пусть воспитанного и образованного, но всё-таки полена, во имя нашей великой любви?

Солнце выглядывает из-за тучки и принимается светить во всю мочь. Лесная и луговая мелочь возобновляет прерванные разговоры, и над поляной и лесом вновь повисает гудение, жужжание, журчание и бормотание тысяч невидимых для постороннего глаза существ.

– Если бы ты появился раньше, – вздыхает Мальвина. – Например, в тот день, когда я в первый раз отправила этого хулигана в чулан и пообещала себе назавтра же выставить его вон, я бы, не раздумывая, согласилась. Но теперь, когда я вложила в него столько сил и нервов, будет слишком расточительно прогонять Буратино прочь, на радость какой-нибудь малолетней Коломбине в фальшивых блёстках.

– Но какое тебе дело до этой Коломбины? Пусть он уходит, пусть будет счастлив. А ты будешь счастлива со мной.

– Я, значит, его воспитывала, а пользуется пусть другая?

– Но ты можешь воспитывать меня! – решается на крайние меры Пьеро.

– Зачем? Ты и так воспитан. Ты красивый, тонкий, талантливый. Назови хоть один свой недостаток!

Пьеро задумчиво подливает себе чаю. «Никогда бы не подумал, что моё счастье будет зависеть от того, найду ли я у себя хотя бы один недостаток!» – сокрушается он.

На лужайке, на самом солнцепёке, Буратино уговаривает Артемона смотаться с ним завтра в город, на распродажу. На днях там видели ключик, вроде бы даже золотой, но по совершенно смехотворной цене! Рассудительный Артемон отказывается, ссылаясь на то, что коллекция вроде-бы-золотых ключей уже не помещается в чулане, но Буратино приводит всё новые и новые доводы, так что в итоге мажордом вынужден капитулировать.

– Ну, если ты так хочешь узнать о моих недостатках, то вот, пожалуйста, – отвлекается от раздумий Пьеро. – У меня явно наблюдается недостаток уверенности в победе – по сравнению с твоим деревянным другом, разумеется.

– Да, – грустно кивает Мальвина. – И это – самая главная причина, по которой я предпочла его.

Король и народовольцы

В одном королевстве был заведён такой порядок: каждый год, в день своего рождения, действующий монарх выходил на прогулку и шел пешком от дворца до летней резиденции в окружении придворных, по улицам, заполненным ликующим народом. В резиденции он устраивал праздничный пир, и дальше уже вёл себя, как и положено королям.

Однажды в этом королевстве завелись народовольцы. Они были очень хитрыми, поэтому ни стража, ни шпионы не догадывались об их существовании. В соседних королевствах всех народовольцев уже поймали и казнили, а в этом они процветали и лелеяли планы захвата власти. За несколько недель до королевского дня рождения – а это должен был быть какой-то там юбилей, так что к нему готовились особенно торжественно – народовольцы начали тайно бунтовать народ. Они делали это так ловко и непринуждённо, что стража и шпионы опять не догадались, в чём тут дело.

– Давайте, – нашептывали простому народу смутьяны. – Когда король выйдет из дверей своего дворца, хором закричим: «А король-то – голый!» Так ещё никогда не делали. Будет очень весело, и король посмеётся вместе с нами.

– Да, действительно, будет весело, – соглашался простой народ. – Как мы сами не догадались, ещё в том году? Замётано! Как он только выйдет – так мы и закричим. Не сумлевайтесь насчёт нас, господа студенты.

– Закричат они! – ворчали жены простого народа. – А если вас за это арестуют и потом казнят, без суда и следствия?

– За что же их казнить? – притворно удивлялись народовольцы. – Вот если бы они раскрыли важную государственную тайну – вот так вот, за здорово живёшь. Или, скажем, если бы король и в самом деле был голым – тогда другое дело. Но он же, как нам доподлинно известно, выйдет из дворца в костюме, при мантии и даже в короне!

– Тогда получится, что это клевета! – не унимались жены.

– Да что вы, ну какая клевета? Так просто, шутка. Король любит шутки, он, может быть, даже наградит ваших мужей! – соблазняли народовольцы, – И мужья на радостях купят вам золочёные скалки и прялки!

За день до монаршего юбилея народовольцы встретились в тайном месте и поделились друг с другом успехами. Некоторые люди согласились кричать про короля, что он голый, некоторые отказались, но по всему выходило, что криков будет немало. Поздравив друг друга с удачным началом, народовольцы снова прикинулись почтенными гражданами, и тайными ходами, по одному, ушли с места сходки: стража и шпионы и на этот раз ничего не заподозрили. Я бы их, если честно, ещё в первый раз уволила за ротозейство.

Прошла ночь, наступило утро. Король, свежесбрившийся, благоухающий, разряженный в лучшие королевские одежды, вышел из дворца и принялся посылать подданным воздушные поцелуи. Рядом с королём шли его самые доверенные придворные, и они во всём старались ему подражать. Не успел король сделать и двадцати шагов, как из толпы раздался первый крик: «А король-то – голый!»

– Ой! – покраснел король и быстро оглядел свой костюм. Нет, с костюмом всё было в порядке. И даже ширинка не расстёгнута (а вот у одного из ближайших придворных она была расстёгнута, но король не стал ему об этом говорить, чтобы не расстраивать хорошего человека).

Торжественная процессия снова тронулась в путь, но вот уже два голоса выкрикнули обидную фразу громче прежнего.

– Ну чего они дразнятся? – спросил король у того придворного, который забыл застегнуть ширинку. – Я же одетый!

– Не обращайтесь внимания! – отвечал придворный. – Все видят, что вы не голый, а очень даже нарядный. А если кто не видит – тому надо зрение проверить! У знахаря. В подвалах тайной канцелярии!

– Ой, смотрите, голый король! – снова крикнули в толпе.

– Уведите детей! Король голый вышагивает, стыд-то какой!

– С его-то фигурой! Постеснялся бы уж жирами трясти при всём честном народе!

– Я жирный, да? – смущённо пробормотал король и ущипнул себя за бок.

– Ну, вы, конечно, немного полноваты, – признался придворный.

– А у вас зато ширинка расстёгнута! – обрадовался король.

Стражники свирепо уставились на простой народ. Народ хлопал глазами и вовсю изображал радость и подобострастие. Но в глубине толпы кто-то снова крикнул:

– Наш злосчастный король голый ходит по улицам! Нечего одеть нашему королю! Всё раздал бедным наш благородный, но голый король!

– Я так больше не могу, – чуть не плача, воскликнул король. – За что они меня так? Ну даже если я голый, им-то какая разница?

– Да не голый вы, – хором сказали придворные.

– Голый-голый! – крикнули из толпы народовольцы.

– Вот видите! – вздохнул король. – Им, со стороны, виднее, какой я. Прикройте меня, а то срам один!

– Мы вас уверяем, что вы – такой же голый, как и мы! – заверили придворные, – Взгляните на себя и на нас!

– Вот это да! Голый король с голыми придворными по улице идёт! – выкрикнул кто-то совсем рядом (это был один из младших придворных – его подкупили народовольцы).

Король осторожно, преодолевая стыд и страх, опустил глаза на свои ноги. Потом скользнул взглядом выше. И выше. Никакой одежды на нём не было и в помине! В ужасе король уставился на своих одетых придворных.

– Но ведь я же в самом деле голый! – закричал он. – Как это могло случиться? И как мне теперь от такого позора отмыться?

– Ура, получилось! – обрадовались в толпе народовольцы. Они знали, что король очень доверчивый, и его легко сбить с толку. А теперь, когда даже простой народ видел перед собой голого короля, революцию совершить было совсем не трудно. Но доверчивого монарха народовольцы убивать не стали – чтоб их потом не проклинали грядущие поколения и не называли цареубийцами.

– Кажется, ваше бывшее величество, вы умираете от пережитого стресса, – сказал главный народоволец.

И доверчивый король поспешил умереть.

Всё из-за причёски

– У нашей сестрёнки не было бы проблем с мужчинами, если бы она что-то сделала со своей причёской, – говорит одна завитая крашенная бабёнка другой. Обе они – на одно лицо, обе вполне уродливы и напоминают привокзальных торговков семечками, но считают себя красотками хоть куда.

– Знаешь, я давно ей о том же говорю, – поддакивает вторая. – А то так и останется старой девой! Попомни мои слова – старой останется девой!

Если бы у них самих не было проблем с мужчинами, они бы, конечно, занимались сейчас какими-нибудь милыми домашними делами вместо того, чтобы судачить о проблемах сестры, но с мужчинами им не повезло, и это ещё один повод для того, чтобы осуждать бедняжку.

– Мы потратили на неё наши лучшие годы, а она, тварь неблагодарная! Да мы бы уже сто раз выскочили замуж, если бы не возились с этой дурищей!

– Мне кажется, она это назло нам делает! Отличная ведь деваха, всё при ней, надо бы только стрижечку сделать, и всё будет тип-топ! А то ведь стыдно даже – мужики разбегаются, взглянуть на неё бояться, во всей округе ни одного подходящего жениха уже не осталось!

Сварливые тётки целыми днями сидят на краю скалы и перемывают косточки своей непорочной сестрице. Пока однажды в их краях не появляется бродячий брадобрей, с походным зеркалом и прочими необходимыми инструментами.

– Вы ведь сможете привести в порядок голову нашей непутёвой младшенькой? – кидаются к нему старшие сёстры непричёсанной красавицы.

– В один момент, – обворожительно улыбается брадобрей и принимается точить и без того уже опасную свою бритву.

– Уж мы оплатим вам, уж мы оплатим! – радуются в один голос кошмарные тётки. – Медуза, сестричка, тут к тебе парикмахер-визажист пришел!

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Персеем, – криво ухмыляется мастер, в последний раз протирая зеркало.

Ошибка бременского музыканта

Трубадур разъезжает под окнами прекрасной принцессы, которую он еще не видел, и трубит со всей дури. Принцесса не показывается, но по слухам она очень прекрасная. Трубадур трубадурует несколько дней к ряду, причем вероломно не выкликает имя возлюбленной (хотя ему сообщили его стражники у ворот), а ждет, когда принцесса сама догадается о его безумной страсти. Через несколько месяцев принцесса все еще не догадалась, но ей уже любопытно – что это за псих там под окном беснуется, а вдруг в него диавол вселился и тогда можно будет вечером поплясать у костра?

Принцесса, приняв все меры предосторожности, выходит на балкон и глядит приветливо. Трубадур поражен увиденным. У его милого идеала кривые ножки, редкие волосенки и гнилые зубки. На лице – прыщи, на руках – цыпки, на ногах – бородавки, в носу – козявки. Из-за принцессинового угловатого плечика высовывается ее первый фаворит – горбатый одноглазый паж.

Трубадур, сохраняя остатки мужества, кланяется им и улепetyвает в ближайший лес на своем верном осле, который тоже малость обалдел. В лесу их уже поджидают друзья-разбойники: кот, пёс и петух. Сообразив, что трубадур только что избежал страшной опасности, все пятеро начинают отплясывать народные бременские танцы, подыгрывая себе на любимых инструментах. Они очень счастливы, что принцесса не догадалась о виртуальной любви трубадура, не выпрыгнула с балкона и не утащила бедолагу под венец. А то тут бы и сказке конец.

Стрекоза и Муравей

Стрекоза проснулась однажды утром и поняла, что вокруг наступила осень. Дискотеку под лопухом закрыли, потому что лопух завял и стал каким-то беспонтовым. Бар на листе лилии работает теперь только для подводной живности: то и дело начинает накрапывать дождь и смывает сухопутных посетителей в пруд, где им не особенно нравится. Бездомный кузнечик, лабавший возле пня с утра до вечера, ночью замерз до смерти, зато неопрятный Муравей, над которым Стрекоза и ее друзья обычно насмехались, приоделся в теплую фуфайку и, глядите-ка, тащит в свою нору какую-то дохлую гадость.

«У Муравья теплый дом и вообще круто, – подумала Стрекоза. – С ним надо подружиться, хоть он и дурацкий!»

Дальше показания Стрекозы и Муравья расходятся: он говорит, что в ответ посмеялся над Стрекозой и прогнал ее прочь, а она рассказывает совсем о другом. Кто из них прав – неизвестно, но давайте послушаем Стрекозу, раз уж она здесь.

– И тогда я тоже прикинулась дохлой гадостью. Сделать это было довольно легко: я не ела уже пять дней, мои крылья запачкались, макияж размазался. Я упала на травку неподалеку от жилища Муравья и стала его поджидать.

Естественно, Муравей сразу понял, что перед ним – живая, хоть и грязная Стрекоза. «Сдохнет – зажарю и съем, выживет – женой сделаю!» – подумал запасливый Муравей и отволлок находку на кухню. Там через некоторое время Стрекоза отогрелась, умылась, и была вынуждена признать, что она совсем не дохлая, и уж точно не гадость. Муравей эту дивную перемену тоже заметил и переместил полезную находку в спальню.

– У Муравья в норе, – продолжает Стрекоза, – не было ни дискотеки, ни коктейлей. Ничего из того, к чему я привыкла!

Но на улице не было вообще ничего: Стрекоза выглядывала в окно и видела бессмысленную белую пустоту. Пришлось ей смириться со своим положением. Кузнечик ведь сдох, например. Она окончательно поверила в это после того, как Муравей поставил на стол блюдо с зажаренной ногой бедняги музыканта.

– Даже ботинок не снял, так и зажарил!

Весна проникла в нору Муравья неожиданной шустрой каплей. Стрекоза была немедленно мобилизована на ремонтные работы, сам же Муравей отправился в опасное путешествие за свежей пищей. Свежая пища напомнила Стрекозе о лете, о веселых друзьях и ночных прогулках. Зима подходила к концу, а зимняя депрессия и вовсе закончилась.

– А когда у меня закончилась зимняя депрессия, я поняла, что меня ничего не связывает с этим Муравьем, мы абсолютно чужие насекомые, просто решившие перезимовать под одной крышей.

Как только появились первые цветы, Стрекоза сплела себе венок из нежно-розовых лепестков и пошла на дискотеку. А Муравей немного погрустил, а после сочинил для своих детей и внуков поучительную историю про мудрого Муравья, не пустившего в дом попрыгунью-Стрекозу, хоть она и прикидывалась вкусной дохлой гадостью. Но стрекозы этой истории не читали, поэтому периодически лечат муравьиной кислотой зимнюю депрессию.

Фея чистоты

– Так, я не поняла, вы в этом рубище на бал собрались, что ли?

– Да отстань, всё нормально. Вечно придираешься.

– Я? Я придираюсь? В зеркало на себя давно смотрели?

– Мама, ну чего она опять начинает, скажи ей!

Всё как обычно. Всё в порядке даже. Вернее, как раз в беспорядке. Комнаты сестёр завалены лоскутками, лентами, тюбиками с засохшими румянами, книжками, куклами, ракушками, сухими цветами, лопнувшими воздушными шариками, восточными пряностями, батареями, фантиками... Перечислять можно долго, но Золушка готова перечислить всё, что она видит, ей не впервой. Пусть устыдятся и на краткий миг, да, хотя бы на мгновение, поймут, какие они сказочные неряхи. Именно сказочные, и не меньше. Только в сказках живут такие неопрятные свинки, а в настоящей жизни старшие сёстры, пусть даже сводные, держат свои комнаты в чистоте и порядке. А следит за этим – да-да, вот тут уже можно возвысить голос – следит за этим обычно их мать. Впрочем, чего ждать от матери, которая и за собой-то уследить не может. Она что, поедет на бал в платье, которое купила на распродаже? И с такой причёской?

– Нормальная причёска, – недовольно сопит мачеха. Она специально встала на час раньше, чтобы помыть голову. Это уже – подвиг.

– Завивка! Укладка! Окраска! Усушка! Утруска! – домашний тиран неумолим.

В эту маленькую девочку уже в пять лет будто бы бес вселился: покуда вся семья веселилась, шумела, разбрасывала вещи, теряла перчатки и носки, упускала выгодные скидочные предложения, Золушка находила, разыскивала, успокаивала, укладывала спать. Фея говорила, что это пройдёт с годами, но с какими годами? Сколько ещё ждать прикажете?

– Ты-то поедешь с нами? – осторожно спрашивает отец. Никогда не угадаешь, в каком настроении пребывает его очаровательная дочурка.

– Никуда я не поеду! Как я оставлю дом в таком виде? И потом – сорок розовых кустов. Нужно сегодня же посадить сорок розовых кустов.

– Кустов? Розовых? Но зачем? – пыхтит от её напора отец.

– Потому что это красиво. Так, а ты тоже, что ли, в таком виде в приличное место собрался? Никого не пущу!

Потомив семейку до самого вечера, припугнув её журналами мод и санитарно-гигиеническими нормами, Золушка, конечно, отпускает всех на бал, потому что наводить порядок дома гораздо сподручнее, когда в этом доме никого нет.

– Ну пожалуйста, пожалуйста, поехали с нами! – умоляют сёстры, – Хочешь, мы завтра поможем тебе посадить твои дурацкие розы, ну и пусть они вымерзнут через неделю, мы всё равно их посадим, только поехали с нами!

– Что вы посадите? Ну вот что вы посадите? Вы сорняка-то посадить не сможете толком, чтобы он у вас не вымерз. Езжайте уже, садоводы. И следите за собой, а то знаю я вас: развеселитесь, плясать пойдёте, причёски растреплются, одежды помнутся, приедете домой, как пугала огородные. Так я вас на порог-то и не пущу!

– Пугала – так пугала. Будем стоять в огороде и отпугивать ворон от твоих розовых кустов, – говорит мачеха, и они, наконец, уезжают.

Стоит Золушке вооружиться любимой шваброй, как фея-крёстная – тут как тут, только её не хватало.

– Смотри, какую я нашла тыкву, – соблазняет она, – Идеальной формы, без единого пятнышка! Специально для тебя растили в королевской оранжерее! А вот, взгляни на этих крыс! Не крысы – шиншиллы фотомодельные! В королевском питомнике достала. Черный пистолет в залог оставила. Ну а туфельки! Погляди хотя бы на них – блестят, как хрустальные,

потому что они и есть хрустальные. Всё, как ты просила. Теперь тебе не отвертеться. Поезжай на бал, а я тут всё устрою.

– Устроит она, как же. Дом не спали, устроительница, – ворчит Золушка, но по существу ей возразить нечего: все её требования соблюдены, значит, надо ехать в этот треклятый дворец и танцевать с принцем-недоумком, раз уж обещала.

Золушка без особого воодушевления отправляется на бал, но, поскольку она так долго отказывалась от своей судьбы, отнекивалась и отбрыкивалась, ей уже, конечно, нашли замену.

– Познакомьтесь – моя невеста, Принцесса на Горошине, – говорит гостям счастливый принц, – Она оказалась настоящей принцессой, потому что под целой дюжиной тюфяков и матрасов почувствовала вот эту вот горошину.

– Ну-ка, покажите вашу горошину, – требует Золушка, – Да уж, не нашли для принцессы ничего получше. Посмотрите – она же корявая, старая и к тому же – тверже камня.

– Кто – я? – расстраивается Принцесса на Горошине.

– Горошина! До вас, милочка, ещё доберемся. Нет, ну взгляните на это недоразумение семейства бобовых! Сколько лет оно у вас на кухне пролежало? Покажите мне эту кухню. Ручаюсь, санитарные нормы там не соблюдаются.

И вот вся королевская конница, вся королевская рать, король с королевой, их свита, принцы и принцессы, гости, слуги, собаки вслед за Золушкой отправляются на кухню. Внутрь, конечно, мало кому удаётся протиснуться, но люди передают по цепочке строгие и справедливые слова молодой госпожи:

– Копоть! Сажа! Тут масляное пятно. Тут сыро. Тут сухо. Разве так мешают кашу? Кто тебе сказал, что соль надо сыпать сразу? Всех уволить!

– Я, наверное, свободна? – робко спрашивает Принцесса на Горошине и прячет в ридикюль горошину – на память. Понятно, что ей, безродной девице, обнаружившей горошину под жалкой стопкой матрасов, даже и тягаться не стоит с этой фурией, по одной только горошине определившей состояние королевской кухни.

– Стоять! Ни с места! – хватают её под руки король с королевой, – Никуда ты не пойдёшь! Во-первых, мы тебя успели полюбить. Во-вторых, принц у нас уже не первой свежести, и вообще он не наш сын, а племянник предыдущего короля. В-третьих – ты на кого нас покинуть собралась? Вот на эту мегеру? Которая заставит нас вырядиться на свадьбу так, что все модельеры мира от стыда и зависти скушают своих моделей? Давайте, пока она при деле, сыграем по-быстрому свадьбу.

– У меня есть предложение! – выступает вперёд мачеха, – Оставим этот дворец Золушке, пусть наводит порядок столько, сколько ей вздумается. А сами потихоньку сбежим в вашу летнюю резиденцию и продолжим веселье.

– Отличная идея! – радуется король, – Тем более, что летняя резиденция мне нравится гораздо больше. Назначаю эту мудрую женщину первым министром.

– А как же я? – расстраивается первый министр, – Меня казнить?

– Не надо никого казнить. У меня будет два первых министра.

Вся компания быстро и бесшумно погружается в кареты и кабриолеты и уезжает в летнюю резиденцию – кутить, танцевать, играть свадьбу, вести себя непринуждённо.

Прошло уже пять десятков лет. Жители деревни, раскинувшейся неподалёку от старого королевского дворца, раз в три года приносят в жертву чудовищу, засевшему за крепостными стенами: десять возов немытой посуды, три горы нестиранных рубашек, ну и, конечно, уйму стирального порошка и хозяйственного мыла. Дань собирают по всему королевству, иногда даже у соседей одалживают, но оно того стоит: Золушке всегда есть, чем заняться, и к людям она не выходит.

Родительское благословение

Как водится, добрые король с королевой забыли позвать злую фею на крестины своей дочери. Да так ловко законспирировались, а потом ещё под страхом самых разных наказаний велели помалкивать всем окрестным феям, крестьянам и разбойникам, что злая довольно долго пребывала в неведении и мстила разным прочим родителям рангом пониже. Наконец, дошли слухи и до нее. У злых фей срока давности отмищения нет – потому они до сих пор благоденствуют. Собрала фея все свои злокозненные инструменты, оставила хозяйство на молодую ведьму-ассистентку и направилась к королевскому замку. Для разминки превратила в ближайшем супермаркете все хлеба в камень, а вино – в воду, а уж разозлившись хорошенько, решила заняться принцессой.

Изрядно подросшая принцесса гуляла в саду с фрейлинами. Злой фее ничего не стоило тоже прикинуться фрейлиной, чтобы разглядеть жертву вблизи.

Жертва вызывала жалость и брезгливое удивление. Было видно, что родители, воспитывая этого ребенка, постарались на славу, к чему еще какие-то злые чары!

– Принцесса соседнего королевства играет на клавикордах, помогает папе подписывать указы и умеет выпиливать лобзиком! А ты что же? – говорили ей в раннем детстве.

– Все-таки ты очень неграциозна! Ты опозоришь нас на балу! – ругали ее чуть погодя.

– Все принцессы – как принцессы, а ты – как пугало огородное! – твердили в последнее время.

Принцесса косолапо брела по дорожке, нисколько не задумываясь о том, как выглядит: она считала себя совершенно безнадежной. Комплексы кружили над ее головой, как мухи.

– Вот же гады! – всхлипнула злая фея, которая прежде не считала себя особой сколько-нибудь чувствительной. – До чего бедного ребенка запинали! Чем так жить, лучше вовсе умереть.

Фея вынырнула из образа фрейлины и продемонстрировала публике свое истинное лицо, злое-презлое:

– Я все-таки сделаю этой девочке подарок. За то, что вы не пригласили меня в свое время на крестины. Думаете, удалось от меня это скрыть? Ха! Да я сразу обо всем узнала, просто руки до такой мелюзги, как вы, не скоро дошли.

– Какой подарок, тетенька? – спросила принцесса, – Я не заслуживаю никаких подарков. Я ужасающее ничтожество!

– Молчи, молчи, дитя, а то передумаю! – всхлипнула злодейка, – Слушайте же, злосчастные родители! В шестнадцать лет ваша принцесса сядет прясть, а поскольку она у вас неуклюжая – то уколется веретеном прямо насмерть!

– Спасибо, тетенька! – воскликнула принцесса. – Можно я начну прясть прямо сейчас?

Патриархат

Однажды три богини спустились с Олимпа на цветущий луг, чтобы выяснить, кто же из них прекраснее, а затем как следует навалить победительнице, чтобы стала она еще милее и краше. Тем временем на цветущем лугу, который они выбрали местом разрешения многовекового спора, прелестный пастушок пас овец – иными словами, спал под кустом. Богини растолкали пастушка, вручили ему яблоко раздора и объяснили суть происходящего. Спросонок глупый пастушок взял в руки яблоко, повертел его перед собой так и этак, не понял ничего и с громким хрупом стрескал вышеозначенный плод вместе с косточками.

– Что ты наделал, несчастнейший из смертных? – спросила Гера (это простые бабы спрашивают, а богини всегда вопрошают. Поэтому боги – их мужья – возвращаются с работы вовремя. Они не любят, когда их лишний раз вопрошают).

– Как ты посмел съесть это яблоко? – сложила на груди руки Афина, за мудрость прозванная Палладой. – Из-за тебя мы опять не выясним, кто из нас – прекраснейшая!

А Афродита ничего не сказала. Она-то, в принципе, и без всякого яблока знала правду.

– Ну – я победил, – сказал пастушок.

– Но на яблоке было написано – «Прекраснейшей!» – мягко возразила Афродита. – «Прекраснейшей», а не «прекраснейшему»!

– А я грамоте не обучен, – ухмыльнулся пастушок. – Всё, все свободны, а я дальше буду спать. Будут ещё яблоки – тащите. Лучше антоновские, знаете, запеченные, с медком. Да не знаете вы ничего. Идите, учитесь готовить.

От такой наглости богини слегка опешили, а пастушок вернулся под свой куст и захрапел.

Тут-то и наступил на земле полный патриархат.

Глазами мачехи

Золушка копошится в углу и что-то перебирает: то ли действительно пшено и гречку, то ли... Черт, не видно из-за золы, которой, кажется, наполнен весь дом.

– Золушка, почему ты не навела порядок в кухне?

– Я... Ой! – Золушка поспешно прячет что-то в карман передника. Нет охоты проверять, что именно. – А вы сказали, чтобы я перебирала зерно, вот я и перебираю, стараюсь!

Зола частично осела на пол. Да, теперь я вижу, что зерно находится в том же состоянии, что и три часа назад, когда я заходила на кухню за пирогом. Мои дочери очень любят сладкие пироги, а я очень люблю своих дочерей. Целыми днями они прядут или вышивают, сидя под окном, и уже добились серьёзных успехов. Каждый в моём доме занимается своим делом: я веду бизнес, муж ходит на службу, старшие девочки занимаются рукоделием, Золушка помогает по хозяйству. То есть, это только так говорится, что она помогает...

– Золушка, чем ты занимаешься целыми днями? Неделю назад ты сожгла скатерть и так до сих пор не прибралась! Эти горелые лоскуты, эта бесконечная зола вокруг. Кажется, мне придется серьёзно поговорить с твоим отцом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.